

НА СОИСКАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССРСОВРЕМЕННОСТЬ
КЛАССИКИКнига Г. М. Фридендера
«ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ПУЩЕ ВСЕГО литераторы, особенно литературоведы, обычно опасаются разговора об иллюстративности высокого искусства: он всегда почти выглядит как хула и редко как хвала. И все же, в полной мере признавая самостоятельный характер искусства и органику его, трудно найти более точную формулу состояния мира, которая бы так «иллюстрировалась» творчеством Достоевского: «В наше время все как бы чреватое своей противоположностью... Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости» (К. Маркс). Отмечая в новейшей истории «признаки упадка, далеко превосходящего все известные в истории ужасы последних времен Римской империи», Маркс указал на 1848 год как на время, когда под внешне твердой оболочкой европейского общества обнажилась «бездна». В 1849 году родился Достоевский. Родился как бы заново, уже стоя приговоренным, в слепом смертном мешке. Наверное, еще не было в мире писателя, столь чуткого к одной из «бездн» буржуазного общества — «бездне» зла, представившего, исследовавшего, истолковавшего зло, кажется, во всех обликах, во всех истоках, пребываниях и следствиях. Изучавшего его как «антрополог». Но и как социолог: «именно антибуржуазность (а не «антисоциалистичность») Достоевского является, — пишет Г. Фридендер, — основным зерном всего его мировоззрения и творчества в целом».

Вот почему весь мир, потрясенный и постоянно сотрясаемый, так откликнулся Достоевскому и продолжает откликаться с нарастающей силой. Но откликнулся очень разными голосами. Необходимо вслушаться в эту мировую разноголосицу и по возможности в ней разобраться. Такова одна из важнейших задач нашей науки о литературе. Здесь нужны многолетние аналитические труды и глубокие, часто очень специальные знания. Наконец, нужны мощные обобщающие усилия. Книга Г. Фридендера — плод такого усилия. Впрочем, автор

не пошел по пути многостраничных академических констатаций и описаний. До бесконечности разветвленная система литературных дорог, дорожек и тропинок, идущая в мировой, точнее, европейской литературе, от Достоевского, в книге Фридендера сведена к нескольким магистралям. Это общие положения («Эстетика Достоевского», «В борьбе идей») и уяснение места Достоевского в кардинальной проблематике русского («Достоевский и Лев Толстой»), современного ему европейского искусства («Достоевский и В. Гюго») и искусства нового времени («От Достоевского к Камю», «Достоевский и немецкий роман XX века»). Дело в том, что сравнительно частный, на первый взгляд, вопрос, скажем, «Достоевский и Ницше» (одна из глав книги), в случае своего решения исчерпывает целую сферу общеидеологических и собственно литературных отношений и связей, в том числе и таких, где Ницше может прямо и не присутствовать и даже не называться: метафизика зла, индивидуализм, своеволие сильной личности и т. д. и т. п. По сути, все это вообще уже выходит за рамки узко понимаемой «науки о Достоевском».

Всего один пример. Так, особый интерес представляет проведенный Г. Фридендером анализ концепта «Бесов», сделанного когда-то Ницше. Может быть, не случайно со времени публикации (1970) этого концепта на буржуазном Западе, кажется, не появилось ни одного его осмысления, тем более — исследования. Неопровержимый исторический факт: «ученик» Ницше, как он слишком часто представлял в литературе о Достоевском и какковым он даже сам склонен был себя считать, глубоко понял «Бесов» и потому-то именно здесь осознал свою чуждость «учителю» — Достоевскому. «...В решающем и главном, — пишет Г. Фридендер, — Ницше и Достоевский — не единомышленники, а идеальные антагонисты».

Не слишком давно английский исследователь Джоунс выражал характерное для буржуазного литературоведения недоумение по поводу того, что наша наука так стремится уяснить демократизм Достоевского, его

народность, говоря привычным словом, и подозревал здесь, так сказать, «конъюнктуру». Что ж, если так называть способность науки слышать глубинное, но идущее вперед течение жизни, то — «пусть называется». В книге Г. Фридендера есть такая «конъюнктура»: автор указал на связь своего труда с многими предшествующими исследованиями. Это справедливо и естественно. В то же время, думается, в новой работе национально-народная проблематика приобрела дополнительный акцент: «преклонение перед «народной правдой», о которой писал Достоевский, не метафора, а подлинный стержень его мировоззрения, — убедительно доказывает Г. Фридендер, — важный и для сегодняшнего дня. Именно отсюда вытекают и сильные, и слабые стороны идей писателя. Народ — не объект, а субъект истории: «принципиально иначе понимаемая «народная правда», чем Достоевский, марксизм также отвергает взгляд на народ как на пассивный материал для имущих классов и различного рода одиночек, обладающих монополией на сознательную жизнь и на историческую инициативу», — резюмирует исследователь. Уяснение этого положения наряду с тезисом о принципиальной антибуржуазности писателя — главные исходные труда Г. Фридендера.

Однако мало оттолкнуться от верных вроде бы тезисов. Мало даже прийти к ним, опираясь на все богатство филологических штудий. Книга, подобная книге «Достоевский и мировая литература», могла появиться еще при одном условии — в своем роде уникальном, уже неповторимом. Теоретический поиск завершился не только и не просто в ходе конкретного изучения творчества писателя. Он изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год на протяжении многих лет велся с такой степенью погружения в саму лабораторию Достоевского, которой до этого еще ни у кого не было и быть не могло. В предисловии автор скромно и одной фразой обмолвился: «Книга создавалась в процессе участия автора в подготовке академического Полного собрания сочинений Достоевского. Руководя работой своих младших товарищей над этим изданием, автор одновременно учился у них и выражает им свою благодарность».

Да, завершается труд, который будет предметом законной гордости советского литературоведения, — академический Достоевский. Историческое значение содеянного сейчас, в нашей литературной повседневности, может быть, еще не вполне уясняется, но слово благодарности людям, это дело делавшим, и человеку, это дело возглавлявшему, уже может и должно быть произнесено.

Николай СКАТОВ,
доктор
филологических наук